

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

Вольный мученик

«Журнал «Московский телеграф», издававшийся в 1825—1834 гг. Николаем Алексеевичем Полевым (1796—1846), привлекал читателя разнообразием материалов и удачным их изложением.

С 1829 по 1832 г. при «Московском телеграфе» издавалось сатирическое приложение «Новый живописец общества и литературы»...»

**Николай Алексеевич
Полевой
Вольный мученик[1]**

Журнал «Московский телеграф», издававшийся в 1825—1834 гг. Николаем Алексеевичем Полевым (1796—1846), привлекал читателя разнообразием материалов и удачным их изложением.

С 1829 по 1832 г. при «Московском телеграфе» издавалось сатирическое приложение «Новый живописец общества и литературы». Название приложения и его программа указывают, что Полевой стремился возродить сатирические традиции журнала Н. И. Новикова «Живописец». Он писал: «На чело знатного мерзавца, на пороки, губительные счастию и благу общественному своею обольстительною наружностью, на разврат, покрытый золотом маскою, на повальные слабости своего народа и своего времени – вот куда устремляться стрелам сатиры!». Сатирические письма, рассказы, сказки, пародии, стихи, заметки, фельетоны «Нового живописца» были направлены на разоблачение тунеядства и паразитизма дворянства и чиновничества. Так, в фельетоне Полевого «Делать карьер» публи-

цистические заметки автора о взглядах крупных и мелких чиновников на службу сопровождаются сатирическими зарисовками сцен из жизни чиновничества.

Материалы «Нового живописца» пользовались очень большой популярностью среди читателей. В 1832 г. Полевой переиздал их в пяти книгах, причем цензура запретила перепечатку некоторых произведений.

«Да из чего же вы беснуетесь столько?»

Грибоедов

Кто это скачет на паре вятских, бойких лошадок, в легком, уютном экипаже? Как ни скоро катится экипаж, но для седока в нем находящегося, по-видимому, он едет слишком тихо. Седок этот встает беспрестанно, приподымается, смотрит вперед, машет палкою со всеми признаками нетерпения. А! это Увар Сарвилович Прибыльский! Неужели вы его не знаете? Разве вы недавно здесь? Его целый город знает. Нет бала в знатном доме, где бы Увар Сарвилович не торчал по шести часов за вистом; нет прогулки за город, катанья на го-

рах, гулянья на масленице, в *коробе* или в *ящике*, предоставленного только большому свету, где бы его не было; нет гулянья кругом... под...м, въ...х, где бы его не мочило дождем, не забрасывало грязью с колес или не задушало облаками пыли – обыкновенные наслаждения наших гуляньев! Он тут, в своей карете, плетется между князем А. *** и графом Б. ***, кланяется барону В. *** и переклинивается во все горло с глухим генералом Г. ****, едущим в своей старомодной карете в другой цепи экипажей. Неужели вы не замечали всегда его коляски у всех знатных людей в праздники, именины, родины, крестины, похороны? Он *неизбежен*, он тут, с лицом радостным или печальным, улыбающимся или кислым, смотря по обстоятельствам, но всегда заботливым, всегда занятым, всегда беспокойным. Какой бес его мучит? Что за загадка этот Увар Сарвилович?

Он получил от отца в наследство 3 000 душ, никогда не мотал и – крестьяне его разорены; он никогда не служил, всегда жил в нашем городе, всегда шил хорошо, весело и – морщины глубокие на лице его, следы печал-

лей и беспокойств на его огромной лысине; он был некогда влюблен в девушку, прелестную, богатую, был любим взаимно, мог жениться на ней и – предпочел княжну Пузыревскую, длинную, сухую, подслеповатую фигуру, деву зрелую, похожую на кривой шпиц старой башни и к тому презлую, превздорную, с которою живет и мучится; он не занят собственно никаким делом – и вечно занят или вечно вне дома, и ему некогда даже взглянуть на счет дворецкого, съездить в деревню, посмотреть на свое хозяйство. Какой бес мучит Увара Сарвиловича?

Увар Сарвилович есть доказательство одной философской мысли. Не знаю, как бы мне объяснить ее, *не раздражив гусей...*

Мысль эта состоит в том, что как в мире вещественном предмет или вещь, какая бы она ни была, если она остается в одном, беспрерывно покойном, одинаковом положении, без движения внешнего и внутреннего, без прибавления новой жизни, то она портится, делается хуже, стремится к разрушению или вырождается. Истина неоспоримая. Опытном убедиться в ней можете весьма легко.

Возьмите лучший дамасский булатный кинжал, которым мокрую тряпицу можно разрубить, как соломинку, оставьте этот кинжал без употребления, не чистите его – он станет ржаветь, портиться и через несколько лет будет хуже косаря, которым щепает деревенская баба лучину. Возьмите лучшее вино, дайте ему стоять – пробка рассохнется, вино выдохнется, окиснет и превратится в уксус.

Обратимся к царству растений. Прекрасное, здоровое дерево, если его не чистить, не ходить за ним, искривится, испортится и засохнет или сделается уродом.

Перейдем к миру нравственному. История скажет вам, что славнейшие народы, когда у них не было соперников, не было деятельности гражданской, извне и снутри, слабели, ржавели, вырождались или дряхлели и разрушались. Вспомните персов, греков, римлян.

Теперь, кажется, не за что будет сердиться, если, ссылаясь на всеобщий закон природы, вещественной и нравственной, мы скажем, что и в знатных родах, в поколениях, потомках, происшедших от людей знаменитых, великих, этот закон непреложен. Если потом-

ство великого человека не обновляется испытаниями, если оно не стремится само к тому, чем был его предок, если оно коснеет только в неге и довольстве, которые труды и заслуги предка ему доставили, то через несколько поколений представляет собою жалкий, бедный пример телесного и душевного одряхления, вырождения. Оно делается смешно, забавно, походит на карлу, который влез в сапог своего предка-великана и из исполинского меча его устроил себе скамеечку, где помещается весь, с душевным и телесным своим богатством. Все это уже тысячу раз было представлено писателями всех наций, начиная с Ювенала[2]) до нашего Крылова, который выроdkов от великих праотцев уподобил, так мило и так забавно, гусям и ввел это название в пословицу. Обратимся ли к мудрым законодателям России, мы найдем, что основанием государственного благосостояния они поставили не род, не знатное происхождение, но личные заслуги. Будь потомок хоть Еруслана Лазаревича, будь все твои отцы генералы и все матушки – княгини *фон* и *де* и *фан*, – сын крестьянина украшается перед тобою звезда-

ми и лентами, предводит полки, заседает в Государевом Совете, правит областями, а ты, потомок Еруслана,

*От корня доброго гнилой сучок,
негодный.[3]*

Знай, что местничества в России нет; сиди в своей конуре, дуйся, как лягушка езопова[4]) и хлопай длинными ослиными ушами!

Негодование, насмешка, сатира всегда преследовали и преследуют вырождков знатных и великих отцов. Тут есть причина. Надобно знать, что ничего в мире нет смешнее, жалче, презреннее таких вырождков. Это происходит именно от сравнения с тем, от чего явились эти выродки, и от того, что, потеряв все истинные качества величия, славы, доблести, выродки сии горделиво сохраняют, однако ж, все наружное великолепие, знаменитость, гордость своих предков. Но что в предках было необходимое следствие сознания внутренней силы, душевного могущества и дел знаменитых, то у выродка их ходули, самые забавные. Предок просто стоял на ногах в толпе народа и превышал всех других целою головою;

выродок, худой, слабый, тощий, тянется на цыпочки, чтобы также превышать других, и делается явлением самым комическим.

Если бы по крайней мере оставались у вырождков вещественные отличия предков, то все еще они не были бы так забавны. Но закон природы велит, чтобы приобретенное величием духа ему только и принадлежало. Звезды и ленты пронесут за гробом предка, и потомок приобрети их сам, если они ему нравятся; ум без собственного старания об усовершенствовании его походит на заржавелый булат и сбивается в мелочи, в пустяки. Остаются у вырождка портреты предков и древние грамоты; но без подкрепления потомства портреты – крашеная холстина, а грамоты – гнилая бумага! А имение, богатство? Вот тут-то и главнейшая трудность. Есть пословица: легче *нажить*, нежели *не прожить*. Много есть примеров, что люди наживали, но не проживать нажитого не умели. Наживет и дурак – будь только случай: шел да нашел; но не прожить надобен ум, и людей вообще надобно бы учить не тому, как *наживать*, но как *не проживать*. Выродки обыкновенно не умеют

сохранить нажитых предками имений, разоряются, должают и беднеют. Достанется им легко, даром; цены деньгам они не знают; тратят беспутно, и большое диво, если через три поколения вырождков потомок знатного предка не остается только с тою душою, которая в нем (если только есть она в нем), с тою землею, которая у него в горшках с цветами (как говорит Шеридан[5]), и с теми деньгами, которые выручит он за продажу портретов на рынок и грамот своих в архив археолога и генеалого, которому надобно по кружкам родословной поверить: точно ли в таком-то году за спор о местах такого-то боярина выдали головою такому-то.

Но, кажется, что мы далеко уехали от любезного Увара Сарвиловича? Напротив, мы подъехали к нему вплоть. Я сказал, что ничего не может быть смешнее и забавнее вырождка знаменитых отцов; объяснил и причины, почему так бывает. С этого списаны были доныне тысячи карикатур, как я сказал уже, но возможно ли истощить мир действительного бытия? После Данте, Шекспира, Гете, Байрона сколько еще остается непочатых углов чело-

веческого сердца и природы! А думается, читая этих великих людей, что они исчерпали весь океан души человека и что природа сквозилась для них, как решето! Так и в мире выродков: ни Гогарт[6]), ни Мольер, ни Ювенал, ни Кантемир, ни Крылов, ни тысячи других живописцев карикатур и сочинителей комедий, сатир и басен не скажут, что в этом мире все пожато. Не колосья, но целые поля смешного остаются еще и ждут делателей.

Людей, подобных Увару Сарвиловичу, кажется, никто доньше не представлял еще в печатном портрете. Он явление, которое было бы непонятно без теории, нами изложенной. Можно ли исчислить все отклонения природы от строгого порядка в делах и вещах? Мы видели двух людей, вместе сросшихся, людей без ног, без рук, льва, живущего в одной клетке с собачкою, и проч. и проч. – Увар Сарвилович, принадлежа собственно к числу выродков знатного предка, в то же время есть уродливость, особенность в мире выродков. Он такая же странность, как любовь какого-то человека к лягушечьим глазам. Но такая любовь была же в мире, и Увар Сарвилович су-

ществует в мире!

Он принадлежит в *роде* (genus) вырожденков собственно к *виду* (species) вырожденков, не залегающих вдаль с своими требованиями. Многие из них корчат вельмож, великих людей: Увар Сарвилович и лицом, и поступью, и жизнью похож на разбогатевшего и попавшего в большой свет мещанина. В чем же его странность? В чем загадка его бытия?

Он уверяет, что предок его был славянский князь Прибыслав; что он был родной племянник князю литовскому, Кернусу Куносовичу; что внук Прибыслава был низвержен князем Монтвиллом Гимбутовичем; что под именем *Прибыльских* потомки Прибыслава выехали потом в Россию. Древность рода своего в России Увар Сарвилович утверждает тем, что в разрядах 7090 года записано: «А как Кузька Федоткин Прибыльский, за воровские свои дела и измену с Крымскими людьми был пойман и в воровстве повинился, то по вине и сослан был в дальние города северные и там умре». Как не поверить после сего, что Увар Сарвилович потомок знатного рода! Дедушка оказал, однако ж, Увару Сарвиловичу услугу

едва ли не поважнее предка его Прибыслава. Он был шутком у князя П, отличался тем, что съедал целого теленка; под веселый час выпросил он у мощного вельможи какой-то подряд, нажил деньги, перестал шутить, вошел в другие подряды и оставил сыну 6000 душ крестьян, из коих, съевши 3000, сынок передал внуку остальные 3000 душ. Этот-то внучек есть наш милый Увар Сарвилович.

Посмотрите, как перерождалось поколение Прибыльских. Предок был славянский князь; прапрадед входил в политические связи с крымским ханом; дед, презирая пустяки, был сильным любимцем сильного вельможи, и хотя был он шут, но в передней его часто ставили вовсе не шуты, а люди *пресерьезные*; отец не умел поддержать славы Прибыльских, но по крайней мере втирался в службу, хотел отличиться на поле ратном, в судах. Охота у него была смертная, средств только не было. К несчастью, при первом пушечном огне слабые нервы его била лихорадка, и, когда нашли его однажды после сражения в сахарной фуре, он должен был оставить военную службу. В гражданской службе – другая

беда: он был близорук и не мог читать приказных бумаг, даже не мог подписать своего имени, хотя бойко читал Фоблаза[7]) и писывал милые *billets doux*[8]. Но Увар Сарвилович не близорук, лихорадке не бывал подвержен, честолюбием обладает непомерным, а нигде, никогда не служил и охоты к этому не имел; или, лучше сказать, мучимый бесом *знатнолюбия*, не имел времени. С детства в большом свете, с детства в кругу *знатных*, он не думал никогда сам быть *знатным* человеком, но только желал дышать тем воздухом, которым *знатные* дышат, делать то, что они делают, и вот уже слишком сорок лет он в большом свете, посвятил ему все: имение, детей, жизнь свою. Я уверен, что он завидует собаке, имеющей право лежать в кабинете *знатного* барина. Все радости, все счастье Увара Сарвиловича погибли в жертву его идолу!

Эту страсть, этого беса я назвал *знатнолюбием* и иначе не умел назвать. Это не честолюбие, не желание счастья. Быть с *знатным*, говорить с вельможею, играть в вист с князем, обедать у генерала, угощать у себя сиятельных и превосходительных – вот все, чего

ищет Увар Сарвилович. Увидев незнакомого, он спрашивает чин его и звание; сердце его – истинный термометр знатности и чиновности. Со всем тем, что не коллежский советник, он сух и холодей. Коллежский советник видит уже в нем признаки жизни; статский советник получает уже его улыбку; действительный статский – пожимание руки; тайный – низкие поклоны: действительный тайный может заставить его, как богдыхан китайского мандарина, кланяться трижды по трижды!

Не думайте, чтобы знатные люди уважали, любили Увара Сарвиловича. Они *привыкли* видеть его рожу, он допущен всюду, принят, его приглашают везде – точно так же как стелют ковер на паркете: он удобство какое-то. Можете дать ему карты – он играет; пригласить его на пикник – он платит свою долю; дать ему 50 билетов на лотерею для бедного семейства, которое надоело вам, – он берет. У него получают первые устрицы; у него пекутся блины на масленице лучшие; у него знатный повеса может свободно прыгать и дурачиться, старик – быть без *принуждения*,

графиня – заказать ему достать что-нибудь и забыть заплатить безделку, чего стоил заказ. Увар Сарвилович вечно в хлопотах, занят, бе- гает, ездит, пляшет, поет, играет, печалится по желанию других и вечно не знает покоя. Он женился для того, что пятьдесят тетушек жены его сделали его *своим человеком* в пя- тидесяти домах; он разоряется и, вероятно, наконец разорится от желания быть всегда в большом свете, быть всегда между знатью. Почтения он не требует, за право *быть* платя всем: деньгами и счастьем. Может статья, он заплатит и жизнью за это когда-нибудь; он вытерпел уже горячку с пятнами, забывши день рождения графа Пустозвонова; его уда- рил уже паралич однажды, когда он забыл пригласить к себе на обед тетушку, по бабуш- ке кумы своей, княжну Тугоуховскую.

Скажите: не правда ли, что потомок князя Прибыслава есть *вольный мученик*? Он мог служить, мог отличиться службою, ибо до- вольно богат и был смолоду довольно умен; но воспитание его прошло в детских праздни- ках и сюрпризах; в юности он не мог ото- рваться от тысячи пустых связей своих с

большим светом; женитьба доконала его. Теперь он и стар, и глух, и глуп; вертясь в одном кругу, терзаемый мелкими заботами, он сжался душою, телом, имением. Но только смерть кончит муку Увара Сарвиловича!

Дети его доказывают, что им не кончилось еще вырождение потомков князя Прибыслава. Увар Сарвилович по крайней мере жил и умрет в *большом свете*, по крайней мере он счастлив *близ знатных*. Дети его потеряли и это последнее чувство, последнюю память знатного своего рода: они гордятся какими-то плебейскими страстями и склонностями. Дочь Увара Сарвиловича позволила себя увезти с великолепного бала какому-то гувернеру; сын Увара Сарвиловича, промотавши много денег в гусарском полку, сослан отцом в деревню, и там за сивухою, в кругу барских барынь и отцовских лакеев считает себя счастливейшим из смертных, оставляя отца питаться чадом большого света. Шанфор[9]) или Буффлер[10]) сказал, что знатные люди для того проматывают свои имения, чтобы дети их, не имея опоры в богатстве, старались отличиться только знатностью рода и оправды-

вали имена предков только собою. Не для этого ли и Увар Сарвилович решился *не оставить детям ничего?* Но почему же он сам сделался вольным мучеником? Непонятная уродливость нравственного мира, странное отступление от законов природы, которая самосохранение и наслаждение жизнью поставила одним из основных законов нашего бытия!

В составлении комментариев принимал участие Л. Н. Арутюнов.

Примечания

Впервые опубликовано в «Новом живописце общества и литературы» – сатирическом приложении к журналу «Московский телеграф», 1830, No 17, ч. 35, печатается по отдельному изданию: «Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым», ч. 2, М. 1832.

[^^^]

2

Ювенал (около 60-140 г. н. э.) – римский поэт-сатирик.

[^^^]

Воейкова, подражание Ювеналовой сатире о благородстве («Вестник Европы», т. XXIX, стр. 195—201).

[^^^]

4

«Лягушка езопова...» – В басне древнегреческого баснописца Эзопа (6-5 вв. до н. э.) лягушка, захотевшая быть величиной с быка, раздулась и лопнула.

[^^^]

5

Р. Б. Шеридан (1751—1816) – английский писатель и политический деятель.

[^^^]

6

Гогарт – У. Хогарт (1697—1764), английский живописец и гравёр.

[^^^]

Фоблас – герой романа Луве де Кувре (1760—1797) «Жизнь и любовные приключения кавалера де Фобласа», в котором отразилось моральное падение французской аристократии накануне французской буржуазной революции 1789—1793 гг.

[^^^]

Любовные записки (фр.).— Ред.

[^^^]

Н. С. Шанфор (1741—1749) – французский литератор.

[^^^]

С. Буффлер (1737—1815) – французский ученый, академик.

[^^^]